

«НОРМАННСКИЙ ФЕРМЕНТ» В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ПСЕВДОМОРФНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Аннотация: В статье в контексте выдвинутой автором концепции псевдоморфного развития России рассматривается вопрос о взаимодействии и взаимовлиянии властных, технологических матриц, принесенных варягами в населенные славянами и угро-финнами земли во второй половине IX в., и местных, автохтонных практик. Ставится вопрос о роли норманнов (варягов) в становлении и формировании русского государства в тех формах, в которых оно сложилось после утверждения Рюрика в Новгороде и захвата Киева его преемником Олегом. Исследуется вопрос о соотношении аллохтонного и автохтонного в формировании древнерусской государственности, в частности, взаимоотношении великих и племенных князей, а также вече и новой, европоморфной княжеской власти. Автор ставит вопрос о том, в какой мере процессы, связанные с пришествием норманнов (варягов) могут рассматриваться как псевдоморфоза и в какой мере они стали предпосылкой и условием христианизации Руси, которая, что несомненно для автора, была типичным псевдоморфным процессом. Развиваемая в работе концепция псевдоморфности исторического развития России отталкивается от известной теоретизации О.Шпенглера, существенно переосмысленной автором, рассматривающую псевдоморфозу не только как этап или форму развития, в частности, развития России, но и как определенный тип развития. Что касается рассмотрения конкретных исторических сюжетов, то здесь исследователь опирается на широкий круг исторических работ, принадлежащих как классикам отечественной исторической мысли (К.Д.Кавелин, В.О.Ключевский, С.Ф.Платонов, С.М.Соловьев), так и на работы советских и российских ученых (В.Б.Кобрин, А.П.Новосельцев, В.В.Пузанов, Б.А.Рыбаков, М.Б.Свердлов, А.П.Толочко, Ф.Б.Успенский, И.Я.Фроянов, А.Л.Юрганов, В.Л.Янин и др.). В частности, большое значение для понимания и интерпретация реалий IX–X вв. имеет анализ соотношения факторов призвания и завоевания в варяжской эпопее и установление динамической связи между ними. В целом же матрица «от призвания – к завоеванию» представляется автору адекватным инструментом интерпретации, разумеется, с учетом множества разного рода нюансов. Автор приходит к выводу, что норманны не принесли с собой некой новой оболочки, в которую после их пришествия была бы заключена прежняя жизнь славянских и угро-финских племен и в которой она обречена была развиваться далее. В этом смысле мы не можем заключить, что «норманизация» Руси стала псевдоморфозой того типа, который был характерен, например, для эпохи Петра I. Пришествие варяжских князей и дружин стало, скорее, ферментом, который стимулировал развитие будущей Руси в определенном направлении. Хотя некоторые моменты псевдоморфного развития прослеживаются уже на этом этапе. Ограниченная, но несомненная норманизация стала предпосылкой создания и оформления того типа власти, при которой только и могло быть востребовано христианство не как местный культ, а как государственная религия. Иными словами, без появления варягов и стимулирования определенных процессов во власти не могло быть осуществлено принятие Русью христианства уже в конце X в.

Ключевые слова: псевдоморфоза, норманны, варяги, Рюрик, мифологизация, завоевание, князь, вече, Новгород, Киевская Русь.

В свое время, анализируя развитие России в терминах псевдоморфности, мы констатировали, что в российской истории можно выделить пять глобальных псевдоморфоз:

- 1) европоморфную (призвание варягов и затем христианизация);
- 2) азиатскую, кочевническую (ордынское иго);
- 3) еще одну европоморфную (церковные реформы Никона и преобразования Петра I);

- 4) антизападную (большевистскую), с 1917 г.
- 5) возрождение европоморфной псевдоморфозы (горбачевская перестройка и развитие России после 1991 г.)¹.

Иными словами, история России принципиально псевдоморфна практически на всем своем протяжении. Псевдоморфоза — это не этап, не феномен и не форма, а тип развития. Сами основы русской культуры и русской государственности были псевдоморфными.

Исследователи, специалисты по социально-гуманитарным наукам в основном ограничивались констатацией псевдоморфности петровских реформ — традиция, идущая еще от О. Шпенглера². Значительное внимание уделялось также анализу того влияния, которое оказало на развитие Руси ордынское завоевание («монголо-татарское иго»), хотя, как правило, наложение на русский социум монгольских институциональных форм и практик властвования не интерпретировалось в терминах псевдоморфозы — речь шла о влиянии, воздействии, подавлении, симбиозе, синтезе и т. д. И уж совсем нелегко найти исследования, авторы которых пытались бы осмыслить реалии первых веков русской истории, пришествие варягов и христианизацию, как псевдоморфный в своей основе процесс и как первое масштабное, исторически значимое проявление в российском пространстве власти псевдоморфозы как типа развития.

Первая российская псевдоморфоза представляет собой длительный процесс, ключевыми событиями в контексте которого, как уже было сказано, стали *норманизация*, «призвание варягов», и *христианизация*, «крещение Руси», датируемые соответственно 862-м и 988 гг.

Прежде всего обратим внимание на терминологию: *призвание* варягов и *крещение* Руси — привнесённость властных и социокультурных матриц как бы акцентируется самой исторической традицией, отобравшей из множества лексических единиц, при помощи которых можно было бы описать процесс, именно эти две. Привнесенная оболочка, «рама», как мы предполагаем, могла включать в себя прежде всего внедрение новых властных институтов и технологий (норманизация) и утверждение но-

вых религиозных и, шире, моральных стандартов и норм, а также, на этом историческом фоне, параллельно с христианизацией и во многом как ее следствие, определенную византизацию права.

Автохтонным содержанием, которое было подавлено, процесс естественного саморазвития которого был замедлен, если не приостановлен, были родоплеменные (и отчасти даже постродоплеменные) практики осуществления власти; автохтонные вечевые структуры; язычество как совокупность религиозных культов; пронизанный языческими практиками и представлениями быт древних славян, ткань повседневной жизни; *закон русский*, нормы обычного права, существовавшие и доминировавшие на Руси до адаптации ею христианства и пришедшей с ним византийской правовой культуры. Хотя все сказанное нельзя понимать прямолинейно и буквально — процесс имел множество нюансов и весьма непростую структуру.

То, что христианизация Руси была псевдоморфозой, процессом, навязывающим макросоциуму определенную оболочку, в которой обречено было далее существовать и развиваться (или существовать и деградировать) некое автохтонное содержание, традиционные для славян социокультурные матрицы, местные аборигенные практики и системы жизнеустройства, не вызывает сомнения. Иное дело — пришествие на Русь варягов и все, что с этим связано. Здесь процесс был далеко не столь однозначен — если мы анализируем его с точки зрения псевдоморфности.

1. Пришествие варягов: проблемное поле

Чтобы обеспечить некую логичность изложения, нам придется повторить здесь некоторые общеизвестные, хрестоматийные вещи. Речь идет о самых распространенных, базирующихся на текстах нескольких русских летописных сводов сообщениях о «начале земли русской». К которым следует относиться с известной критичностью как в том, что касается событийной канвы, фактологического ряда, так и хронологии (известный историк и востоковед А.П. Новосельцев говорит об «общей ненадежности летописной хронологии практически до времен Владимира и даже отчасти первых лет его правления»³). К моменту пришествия варягов

¹ Королев С.А. Псевдоморфоза как тип развития: случай России // *Философия и культура*. 2009. № 6.

² Шпенглер О. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории*. Т.2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. С. 192.

³ Новосельцев А.П. *Образование Древнерусского государства и его первый правитель // Древнейшие государства Восточной Европы*. 1998. Памяти чл.-корр. РАН А.П. Ново-

восточнославянские земли населяли бесписьменные языческие племена, и сведения, которыми мы пользуемся, — это позднейшая фиксация некой устной традиции, иногда относительно объективная, иногда не лишенная идеологической тенденциозности. Ибо изложение и оценки исходили от христианских книжников, близких к православной церкви и, кроме того, весьма считавшихся с потребностями светской власти.

Приглашение, присвоение, завоевание, договор

Согласно Повести временных лет (известной также как «Первоначальная летопись» или «Несторова летопись»), в середине IX в. славянские и финские племена — ильменские словене, кривичи, чудь и меря — платили дань варягам, приходившим откуда-то из-за моря. В 862 г. эти племена изгнали варягов, и после этого между ними самими начались усобицы. Как сообщает летопись, «и почаша сами в себе володети, и не бе в нихъ правды, и въста род на родъ, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся»⁴. После этого новгородцы и представители упомянутых выше племен сочли за благо обратиться к живущим за морем иноземцам, а именно к тем варягам, которые назывались русью, подобно тому, как другие варяги именовались шведами, норманнами, англами или готландцами. «И реша сами в себе: “Поищеме себе князя, иже бы володелъ нами и судилъ по праву”»⁵. И сказали руси-варягам чудь, словене, кривичи и весь следующее: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нетъ. Да поидете княжить и володети нами»⁶. И трое братьев со своими родами, с воинами-дружинниками пришли в земли восточных славян, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в земле кривичей, в Изборске.

При этом Рюрик направился не прямо в Новгород, а поначалу предпочел остановиться вдали от него, в городе Ладоге, не забираясь в глубь незнакомой и потенциально враждебной ему терри-

тории, «как будто с расчетом быть поближе к родине, куда можно было бы укрыться в случае нужды» (В.О.Ключевский). Именно в Ладоге он «срубил город», т. е. возвел крепость, вероятно, для защиты, в случае конфликта, как от призвавших его новгородцев и соседствующих с Новгородом славянских и финских племен, так и от возможных воинственных пришельцев из родной ему Скандинавии.

Через два года, согласно летописи, умерли Синеус и Трувор. После этого Рюрик стал править один, раздавая пришедшим с ним «мужам» города и земли — кому Полоцк, кому Ростов, кому Белоозеро.

Среди варягов, пришедших в Новгород и другие славянские земли вместе с Рюриком, были два мужа, Аскольд и Дир⁷, как замечает летописец, «не родственники его, но бояре», и они отпросились у сидевшего в Новгороде Рюрика в Царьград со своим родом, очевидно, в обычный для варягов грабительский поход. Но когда они спускались по Днепру, то увидели на горе небольшой город и, согласно легенде, спросили: «Чей се градокъ?». И им ответили: «Была суть 3 братья, Кий, Щекъ и Хоривъ, иже сделаша градок съ и изгибоша [сгинули], и мы седимъ, родъ ихъ, платяче дань козаромъ»⁸. Аскольд и Дир остались в этом городе, собрали у себя изрядное число варягов и стали владеть окрестными землями, на которых жило племя полян. Рюрик же в это время по-прежнему княжил в Новгороде. В 879 г. он умер, передав княжение Олегу, своему родичу, и отдав ему на руки сына Игоря, ибо тот был еще очень мал...

Легендарное призвание племенами ильменских словен, кривичей, мери и чуди варяга Рюрика с братьями Синеусом и Трувором на княжение в Новгород традиционно считается началом русской государственности. Другим ключевым моментом, фактическим началом так называемой Киевской

сельцева. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. С. 457.

⁴ Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века / Сост. и общ. ред. Д.С. Лихачева и Л.А. Дмитриева. М.: Художественная литература, 1978. С. 36.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Высказывается также точка зрения, что норманские военачальники Аскольд и Дир, во-первых, жили в разное время и, во-вторых, возможно, утвердились в Киеве еще до прихода в славянские земли Рюрика с дружиной, а именно в 30-е годы IX в. (Новосельцев А.П. Образование Древнерусского государства и его первый правитель // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. С. 462, 464).

⁸ Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века / Сост. и общ. ред. Д.С. Лихачева и Л.А. Дмитриева. М.: Художественная литература, 1978. С. 36.

Руси, считается захват Киева Олегом в 882 г. и де-факто превращение его в первого по старшинству князя, стоящего над другими князьями (при этом отметим, что именование его как *великого князя русского* — предмет многочисленных интерпретаций, и мы едва ли без оговорок можем утверждать, что Олег, да и его преемники уже в конце IX — первой половине X стали Великими князьями Киевскими в том смысле, какой вкладывался в этот титул в последующее время⁹).

Сохранилось очень немного свидетельств о том, что в действительности представляло из себя пришествие варяжских князей. Например, что значит «призвание» варягов? Призвали их на княжение как будто новгородцы. Но что значит — «новгородцы»? Кто в Новгороде выступал в качестве субъекта, способного принимать подобного рода решения? И как было осуществлено это «призвание» с точки зрения механизмов? Сход, вече, некая иная институциональная или неинституциональная форма выражения коллективного мнения? Или инициатива «лучших мужей» города, местного нобилитета, будущей боярской аристократии? Все это остается не вполне ясным.

Равным образом, неясно, как и в каких формах происходило «изгнание варягов», предшествовавшее призыванию. Кто изгонял? Как изгонял? Сколько было изгоняемых, как и когда они попали на восточные берега «Варяжского моря»? В этом отношении сведения из русского прошлого гораздо более скудны и отрывочны, чем аналогичные, связанные с норманнами, данные, содержащиеся в европейских хрониках.

Отечественная историческая наука прошла достаточно длинный и извилистый путь изучения и интерпретации «варяжской легенды», общий вектор которого — от безоговорочного принятия данного предания и столь же решительного его отрицания к достаточно изощренному, тонкому, лишенному категоричности анализу, опирающему как на многолетние и притом весьма тщательные историко-филологические изыскания и текстологический анализ, так и на постепенно появлявшееся и углублявшееся понимание природы мифологического сознания и соотношения между реалиями Древней Руси и

позднейшими конвертациями устной традиции в ткань исторической хроники.

Скажем, патриарх российской историографии С.М. Соловьев воспринимал призывание варягов как неоспоримый факт, следствие стремления племен и народностей, населявших северную Русь, иметь относительно нейтрального арбитра во внутренних конфликтах¹⁰. Соловьев обращал также внимание на то, что Белоозеро и его окрестности, несмотря на славянское название места, было населено чудью и весью. И следовательно, этот политический арбитраж затрагивал не только собственно славян (конфликты межплеменные и конфликты внутривременные, между отдельными родами), но и соседние, частью союзные славянам неславянские племена. Не случайно Соловьев пишет о том, что варяги представляли собой новый тип власти — *власть объединяющую*¹¹. *Иными словами, если несколько модернизировать ситуацию, варяги должны были объединить племена различного происхождения и стимулировать создание и функционирование своего рода древнего «плавильного котла». Итогом работы которого стала бы (и, в конце концов, как мы знаем, стала) консолидация русских как нации.*

Соловьев являлся убежденным сторонником канонического предания о «призывании варягов» на княжение. В подтверждение правильности и единственности этой версии он ссылается на «прямое и ясное» свидетельство летописца о призывании князей. Он также апеллировал к более поздней и потому не вызывающей сомнений в своей фактической достоверности практике: «Как скоро один князь был изгнан или сам удалялся из Новгорода, то граждане последнего немедленно посылали за другим: они не терпели жить без князя, по выражению летописца; есть известие, что один из великих князей хотел наказать новгородцев тем, долго не посылал к ним князя»¹². Власть Рюрика и Рюриковичей для историка — это «сосредоточивающее начало», которое дало возможность соединить разрозненные племена в новой государственной общности.

⁹ Историю вопроса см. в монографии: Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб.: Академический проект, 2003. С. 148–150.

¹⁰ Соловьев С.М. Сочинения в 18 кн. Кн. VII. История России с древнейших времен. Тт. 13–14. М.: Мысль, 1991. С. 121. Заметим, что первый том многотомной «Истории России» Соловьева, где рассматривается проблема призывания варягов, появился в 1851 г.

¹¹ Там же. С. 123.

¹² Там же. С. 121.

Не менее, если не более любопытна интерпретация феномена пришествия варягов выдающимся русским историком В.О. Ключевским, который нигде прямо не полемизирует с Соловьевым, но излагает версию, абсолютно противоположную интерпретации классика. Ключевский подчеркивает, что накануне «призвания варягов» в землях, населенных славянскими племенами, сложилась новая географическая и социальная реальность — городские области¹³. Т.е. пространство было переорганизовано, перестратифицировано согласно неким новым принципам, отличным от тех, в соответствии с которыми оно функционировало в эпоху господства родоплеменных отношений. Ключевский называет это «образованием первой политической формы на Руси»¹⁴. И эта переструктуризация стала фактом еще до варягов.

Историк подчеркивает, что древние городские области имели не племенное происхождение, а были сформированы некими экономическими интересами, прежде всего, торговыми. И пределы, границы областей были надплеменными, если хотите, «кросс-племенными»¹⁵. Таким образом, города стали фактором, ферментом, который разрывает старые племенные связи.

Если принять концептуализацию Ключевского, то получается, что варяги не привнесли в ареал обитания славянских племен никакой новой институциональной матрицы и, соответственно, никак не могли наложить ее на политический быт этих племен, что явилось бы несомненным признаком псевдоморфозы. Напротив, они как бы встроились идеальным образом в социально-политические формы, совсем недавно возникшие на территории будущей Руси и созданные как бы специально для того типа власти, который они представляли. Иными словами, по Ключевскому, форма варяжского княжества является *вторичной* по отношению к городским областям.

Однако в том, что эта новая форма была привнесена, у Ключевского сомнений нет. Более того, он считает, что даже сами понятия *князь* и *витель* являются производными от привычных

для скандинавских саг наименований вождей: *конинги* и *викинги*¹⁶.

Историк убежден, что изначально варяги, князья с дружинами, были призваны новгородцами и союзными с ними племенами для защиты страны от каких-то внешних врагов; но с течением времени наемные охранители трансформировались во властителей. Города со своими областями попадали в руки заморских пришельцев и превращались во владения варяжских конингов. А их жалование превращалось в обязательную дань. И именно таким образом область вольного Новгорода стала варяжскими княжеством¹⁷.

Разумеется, в этом случае версия С.М. Соловьева о том, что варяги были призваны как медиаторы, как высший арбитр в спорах и конфликтах между родами и племенами, не работает.

Концепция Ключевского очевидным образом противостоит летописной версии о «призвании» варягов, но противостоит не как «патриотическая», славянофильская версия западнической, якобы унижающей национальное достоинство русских, а так, как реконструированная при помощи средств и методов науки, включая метод сравнительного анализа и аналогии, историческая логика противостоит рудиментам исторической мифологии.

Ключевский весьма основательно считает, что созданная варяжскими князьями в городах и городских областях власть становится, в свою очередь, предпосылкой появления государственности в русских землях. «Из соединения варяжских княжеств и сохранивших самостоятельность городских областей вышла третья политическая форма, завязавшаяся на Руси: то было Великое княжество Киевское»¹⁸.

Разумеется, данная Ключевским интерпретация небесспорна. Так, нет документальных подтверждений трансформации наемников во властителей. В то время как версия, что варяги изначально пришли к восточным славянам как властители, так или иначе фигурирует в летописных сводах. Это неотрицаемый факт, независимо от того, каково наше отношение к достоверности сведений, сообщаемых ранними русскими летописями. В пользу версии Ключевского косвенно свидетельствуют известные по летописям сходные исторические

¹³ «Первая местная политическая форма, образовавшаяся на Руси около половины IX в.: это городская область». (Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1 // Ключевский В.О. Соч. в 8-и тт. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1956–1959. С. 136).

¹⁴ Там же. С. 138.

¹⁵ Там же. С. 136–137.

¹⁶ Там же. С. 138.

¹⁷ Там же. С. 139, 141.

¹⁸ Там же. С. 144.

коллизии, в частности, обстоятельства взятия князем Владимиром Киева в 980 г. Как известно, тогда для того, чтобы вытеснить из Киева своего брата Ярополка, Владимир прибег к помощи призванных из-за моря варягов. И когда Ярополк был разбит, варяжские наемники заявили князю: «Князь, ведь город-то наш, мы его взяли; так мы хотим брать с горожан окуп — контрибуцию — по две гривны с человека»¹⁹. Считается, что Владимиру только хитростью удалось избавиться от своего рода конкурирующей власти, пытающейся присвоить себе часть его, княжеских, полномочий, перенаправив варягов на богатый Царьград. Так или иначе, приведенный факт свидетельствует о том, что наемная дружина может даже не трансформироваться постепенно во власть, а иметь амбиции буквально в один день *превратиться* в эту власть, *стать* этой властью. Ключевский также апеллирует к истории аналогичных периодов истории европейской, к реалиям, как бы сейчас сказали, синхростадиальных Древней Руси обществ.

При этом Ключевский склонялся к версии быстрой славянизации варягов, приводя в качестве одного из аргументов свидетельство арабского автора Аль-Бекри о том, что «племена севера» завладели некоторым из славян и до сей поры живут среди них, смешавшись с ними, и даже усвоили их язык²⁰.

Выдающийся историк С.Ф. Платонов, ученик и последователь Ключевского, также связывает появление «торговых иноземцев» и военных дружин на Руси с появлением и развитием городов²¹. Как и его учитель, он весьма скептически относится к версии о «призвании варягов» («появлении чуждых князей») в том виде, в каком ее принимает Соловьев, и ссылается на «ряд изысканий, не позволяющих вполне верить той летописной легенде, которая повествует о новгородцах, которые, наскучив внутренними раздорами и неурядицами, послали на море к варягам-русам с приглашением «княжить и владеть нами»²². «Эпический характер этого рассказа, — замечает историк, — ясен из сравнения с другими подобными»²³. В частно-

сти, Платонов ссылается на зафиксированное в английских хрониках призывание бриттами англосаксов, причем формула приглашения совпадает почти дословно.

При этом Платонов, что совершенно очевидно, не считал вопрос о способе и обстоятельствах появления варягов на Руси ключевым. Ибо, подобно Ключевскому, он полагал, что «варяги не повлияли на основные формы общественного быта наших предков-славян. Водворение варяжских князей в Новгороде, затем в Киеве, не принесло с собой ощутительного чуждого влияния на жизнь славян, и сами пришельцы, князья и их дружины, подверглись на Руси быстрой славянизации»²⁴. И здесь Платонов — достойный ученик Ключевского возможно, более чем где бы то ни было еще. Но, заметим, Платонов полагал, что и монгольское завоевание не повлияло фундаментальным образом на развитие Руси.

Наконец, имеет хождение версия о том, что варяги пришли в земли восточных славян как завоеватели. Подобная интерпретация восходит еще к К.Д. Кавелину и Б.Н. Чичерину, которые высказывались в том смысле, что в северной части русских земель норманнские князья выступали как посредники, способствующие разрешению внутри- и межплеменных противоречий (отголоски традиционной версии С.М. Соловьева), а на остальной территории Древней Руси — в качестве завоевателей. Северные выходцы, варяги, «сначала покоряют северно-русских славян и ограничиваются, подобно другим, данью. Но потом, призванные несколькими союзными русско-славянскими и финскими племенами, они дружиной поселяются между ними, из призванных властителей становятся завоевателями, покоряют все племена, им еще не подвластные, ставят в их городах своих правителей и основывают обширное, как кажется, феодальное государство»²⁵.

Теория «завоевания» как альтернатива легенды о «призвании варягов» нашла поддержку и у ряда современных отечественных историков. Например, этой позиции придерживался М.А. Алпатов. Он попытался сопоставить взаимоотношения

¹⁹ Там же. С. 138–139.

²⁰ Там же.

²¹ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Учебник русской истории. СПб: Стройлеспечатль, 1993. С. 94.

²² Там же. С. 98.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989. С. 17–18. См. также: Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М.: Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1858. С. 9.

норманнов с аборигенным населением на Руси и в других захваченных ими примерно в то же время европейских странах и территориях. В результате историк пришел к выводу о том, что действия норманнов в Восточной Европе по своему характеру ничем не отличались от их действий на остальной части европейского континента: 1) норманнов никуда и нигде не приглашали, они приходили сами с помощью военной силы; 2) норманны не принесли с собой государственности ни одному народу; 3) ни одна захваченная территория не осталась норманнской; в силу своей немногочисленности они быстро растворились в местной среде²⁶.

В.Л. Янин убежден в том, что приглашение на княжение Рюрика во второй половине IX в. носило договорный характер и именно это договорное ограничение княжеской власти стало причиной ухода будущих преемников Рюрика, Олега и Игоря, на юг в поисках безграничной власти, которую они нашли в Киеве, где стали править уже как завоеватели²⁷.

Историк В.В. Пузанов в своей фундаментальной работе о генезисе древнерусской государственности также утверждает: «Источники, если их внимательно прочесть, содержат указания на насильственный характер действий скандинавов в Восточной Европе»²⁸. Это, по его мнению, подтверждается тем, что древнейшие русские летописи открывают историю славяно-норманнских отношений рассказом о взимании дани варягами с ряда восточнославянских и финно-угорских племен. «Сама геополитическая ситуация в Европе “эпохи викингов”, — полагает историк, — свидетельствует в пользу силового решения проблемы. Договоры, конечно, не исключались. Однако если можно было добиться цели оружием, переговоры становились излишними. Да и наивно было бы полагать, что норманны, ставшие в описываемое летописцем время “божьим бичом” Европы, доходившие до Испании и Сицилии (радиус их действий достигал до 3000 км.), на севере Восточной Европы, у себя под боком, ограничились мелкими

наездами на туземные племена, торговой деятельностью и службой в качестве наемников у восточнославянской и финской знати»²⁹.

Весьма интересной и убедительной представляется также версия И.Я. Фроянова, суть которой в том, что варяжская дружина первоначально была призвана как помощник в межплеменной войне, а затем варяги совершили своего рода «государственный переворот», истребили новгородскую верхушку и захватили власть. В этой версии есть логика и динамика: кроме того, Фроянов весьма подробно и аргументировано объясняет, почему, в каких интересах в определенной политической ситуации захват власти пришельцами был изображен летописцем как добровольное «призвание» иноземных князей³⁰.

К сожалению, нам ничего не известно о численности варяжской дружины Рюрика — или о численности смешанной варяжско-славянской дружины, которая, несомненно, существовала как реальность в послерюриковы времена, но могла также быть сформирована и во времена Рюрика. Была ли она такой, что позволяла князю-пришельцу воевать везде и со всеми? Этот вопрос остается без ответа.

Иными словами, версия *завоевания* норманнами власти в восточнославянских землях остается (как и все прочие) только версией, предположением ряда историков, логичной, опирающейся на анализ основных трендов соответствующей эпохи всемирной истории, — но все же версией. Очевидно также, что следует дифференцировать понятия «завоевание» и «захват власти» (синонимом которого является присвоение, узурпация и т. д.). Завоевания, во всяком случае, завоевания Новгорода Рюриком, вероятнее всего, не было. А было достаточно тривиальное с точки зрения истории самовозрастание власти, экспансия властных технологий, присвоение властных функций.

Причины и следствия мифологизации

Каковы же причины появления в летописях мифологизированной истории о призвании варягов, Рюрика и трех его братьев, в том виде, в каком мы с ней знакомимся? Ключевский без обиняков дает понять, что это сказание было формой легитима-

²⁶ См.: Алпатов М.А. Варяжский вопрос в русской дореволюционной историографии // Вопросы истории. 1982. № 5. С. 34–36.

²⁷ Янин В.Л. Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 67.

²⁸ Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2007. С. 238.

²⁹ Там же.

³⁰ Фроянов И.Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Вопросы истории. 1991. № 6.

ции власти тех, кто ее когда-то захватил, способом представить захват как акт добровольной передачи власти иноземцам³¹. Идея правомерности власти сущей была внесена в легенду о призвании. Другими словами, автор и редактор Повести временных лет «хотели осмыслить факт его следствиями, случай осветить идеей»³².

В последующий период многие составляющие предания, изложенного в ПВЛ, подверглись сомнению и переосмыслению. В частности, была подвергнута сомнению та часть легенды, которая говорит о призвании трех братьев и о том, что из трех братьев-варягов, пришедших из Скандинавии в земли восточных славян и начавших княжить в Новгороде, Изборске и Белоозере, двое, причем двое младших, довольно скоро и синхронно умерли. Эти сведения, извлеченные, вероятно, из устной традиции и помещенные в летопись, также заставляют подозревать, что за ней скрывается некая мифологическая составляющая. Появление ее именно в таком виде, по всей вероятности, означает, что составитель летописного свода специфическим языком и специфически выраженными смыслами языческого мифа пытается легитимировать власть брата старшего как концентрированное выражение прав рода, прав, воплотившихся в одном человеке. Впрочем, академик Б.А. Рыбаков в свое время попытался вывить реальную историческую составляющую этой части легенды, предположив и, как нам представляется, не без оснований, что имена Трувор и Синеус — это ошибочная передача в предании скандинавских выражений *thru varing* — «верная дружина» и *sine hus* — «свой род»³³. В таком случае, братья Трувор и Синеус — это своего рода аналог тыняновского «подпоручика Кижее», только не из конца XVIII-го, а из начала XI в., когда, по всей видимости, и была составлена первая редакция ПВЛ³⁴. В то же время Рюрик (Рёрик), очевидно, — реальный исторический персон

наж, начало деятельности которого прослеживается по европейским хроникам³⁵.

Современная историческая наука пытается задать новые алгоритмы анализа летописей, осмысления самого процесса летописания. Важен не только факт сам по себе и определение его места в истории по принципу «было — не было». Первично понимание характера, типологии свидетельств, содержащихся в ранних русских летописях. И особенно изменение отношения к этим фактам при переходе от языческой, мифологической устной традиции к сознательной и целенаправленной работе христианских летописцев и книжников. Приведу довольно обширную, но весьма важную цитату: «Давно замечено, что среди летописных известий о IX–X вв. встречаются устные предания, составленные, надо полагать, вскоре после описываемых ими событий, — пишет А.П. Толочко. — Можно сказать даже больше: все сведения о IX–X вв. летописец черпал из подобного рода легенд и преданий, и только благодаря своему литературному дару превращал их в подобие настоящей хроники. Излишне говорить, что созданные в рамках языческой ментальности, эти устные тексты характеризовались всеми чертами мифа. Христианские же книжники последующей эпохи, в разное время вносявшие эти предания в свои летописные своды, не могли понять мифологический тип мышления, а потому — и постигнуть тайный, скрытый за вербальной формой смысл попавших к ним текстов. Переноса на страницы летописей только событийную часть преданий, разбивая эти последние на погодные статьи, ученые монахи констатировали факты вне мифологического контекста, без которого они не имели смысла»³⁶.

Но дошедшие до нас летописные своды представляют собой не только своеобразное отражение языческих мифов, рожденных во времена бесписьменной культуры, но и *христианизированную интерпретацию* языческого бытия восточнославянских земель, временами субъективную и не лишённую тенденциозности. Что, кстати, предельно жестко акцентировалось отечественными исследователями во времена господства советской атеистической идеологии³⁷.

³¹ См.: Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1 // Ключевский В.О. Соч. в 8-и тт. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1956–1959. С. 143.

³² Там же.

³³ Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.: Изд. АН СССР, 1963. С. 290–299.

³⁴ Тем не менее, смерть Трувора и Синеуса отражена в списках трех русских летописей, восходящих, несомненно, к одному источнику. (См.: Сврдлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб.: Академический проект, 2003. С. 109–110).

³⁵ См. там же. С. 118–120.

³⁶ Толочко А.П. Князь в Древней Руси — власть, собственность, идеология. Киев: Наукова Думка, 1992. С. 13–14.

³⁷ См., напр.: Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М.: Изд-во юридической литературы, 1949. С. 29–30 и далее.

Иными словами, исследователи, пытающиеся, опираясь на выводы исторической науки, делать какие-то выводы философско-исторического характера, обобщать и концептуализировать, должны прежде всего определиться в некой, уже сформировавшейся, системе исторических координат. Полюса которой были достаточно давно заданы крупнейшими российскими историками: призвание — узурпация — завоевание. Хотя вопрос о степени псевдоморфности постнорманнского развития напрямую не зависит от выбора парадигмы: и в том, и в другом случае речь может идти как о наложении определенных матриц развития на славянский макросоциум (прежде всего, матриц осуществления, отправления власти), так и о растворении культуры пришельцев в культуре древних славян, славянизации норманнов. В любом случае важно понимать, что сам материал, сама историческая ткань, с которой приходится работать исследователям в данном случае, не предполагает категоричных, жестких и однозначных выводов. И что в этих выводах и обобщениях всегда сохраняется оттенок гипотетичности.

Когда-то известный историк и востоковед А.П. Новосельцев очень точно заметил, что в какой-то момент споры норманистов и антинорманистов потеряли былую актуальность — осмысление сущности государства как общественного института, возникшего на определенной стадии развития, сделало вопрос о происхождении династии второстепенным³⁸. Опираясь на эту логику, мы можем сказать, что осмысление сущности и последствий варяжского пришествия на Русь делает для нас второстепенным вопрос о способах продвижения варягов к власти. Хотя вывод Платонова о том, что *варяги не повлияли на основные формы общественного быта наших предков-славян*, отнюдь не кажется нам бесспорным. Если говорить о культурном воздействии, то Платонов, вероятно прав: в этом отношении варяги довольно быстро (по меркам истории, конечно) подверглись славянизации. Очевидно, и билингвизм какой-то части варяжских дружинников, о котором говорят

исследователи³⁹, был феноменом исторически недолгим.

Кстати, филолог и историк Ф.Б. Успенский довольно определенно указывает на момент, когда мы можем констатировать славянизацию варяжских князей как свершившийся факт. Рюрик, Олег, Ольга, Игорь — скандинавские имена. Но своего сына Игорь и Ольга нарекают уже славянским именем Святослав. Последний — представитель третьего поколения варягов, и его славянское имя свидетельствует, что отсчет истории рода начинается заново: родовые перспективы окончательно связываются с новой родиной⁴⁰. Ф.Б. Успенский полагает, что довольно точным индикатором постепенной смены родовых ориентиров могут служить и имена следующего поколения князей — сыновей Святослава. Два из них, в том числе имя старшего сына, — славянские (Ярополки Владимир), а одно — скандинавское, родовое Олег. С каждым следующим поколением, замечает исследователь, победа славянского именованного в династии Рюриковичей становится все очевиднее, а те немногие имена скандинавского происхождения, которые удерживаются традицией, переосмысляются как родовые, княжеские имена и с каждым поколением все в большей степени воспринимаются как традиционные, а не инокультурные⁴¹.

При всех достоинствах и неоспоримых достижениях современной исторической науки нам представляется более перспективным несколько иной подход к проблеме эвентуальной «норманизации Руси», выводящий нас, помимо всего прочего, за рамки дилеммы «норманизация — славянизация». Автору этого текста уж довелось не раз писать о многовекторности и противоречивости фундаментальных исторических процессов (в частности, модернизации, колонизации, глобализации)⁴². Нам представляется, что и в процессах, спровоциро-

³⁹ Славяне и скандинавы. Пер. с нем. / Общ. ред. Е.А. Мельниковой. М.: Прогресс, 1986. Или, по другой версии, существование на Руси своеобразной «варяжской» языковой стихии, смешанного славяно-скандинавского «эсперанто» портовых городов и военных дружин (там же).

⁴⁰ Успенский Ф.Б. Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 31.

⁴¹ Там же.

⁴² См., напр.: Королев С.А. Двусмысленность истории: фундаментальные процессы в российском пространстве власти // Философия и культура. 2012. № 9.

ванных/инициированных/порожденных «призванием варягов», не было единого вектора. В культурном отношении варяги подверглись славянизации, как о том писали самые разные исследователи, от В.О. Ключевского до цитированного выше Ф.Б. Успенского. Более того, европейского типа культура пришла на Русь совсем с другой стороны, не из Скандинавии или Северной Европы, а из Византии и Болгарии (мы имеем в виду славянскую *письменность*). А вот с точки зрения технологий власти, практик управления, очевидно, возобладал опыт, принесенный варягами из Европы, причем, из нескольких различных частей Европы.

2. Эволюция форм

Рефреном многих исторических работ является утверждения о том, что «норманны не принесли с собой государственности ни одному народу» (в данном случае мы воспроизводим уже цитированный выше тезис М.А. Алпатова). Иными словами, не варяги принесли восточным славянам государственность — русская государственность стала следствием развития неких внутренних процессов. Это такая вполне марксистская (если говорить о методологии) теоретизация.

Государство и власть

В то же время, как нам представляется, это несколько статичный и, если можно так выразиться, несколько излишне традиционный взгляд на проблему. Очевидно, что государственность нельзя «принести». И, так или иначе, даже в ситуации сильных влияний извне существует определенное взаимодействие логики внутреннего, автохтонного развития и внешних воздействий. Равным образом, существует государство и существует власть, и эти сущности не следует отождествлять. Необходимо различать государственные институты, сформировавшиеся или становящиеся, и власть, технологии власти, инструментарий, обладающий определенной автономностью от государства и определенной логикой и инерцией собственного развития. На определенных исторических отрезках технологии власти оказываются инструментом усиления и разрастания государства; в иных случаях власть вступает с государством и его институтами в конфликт, порой весьма ожесточенный; более того, некоторые властные практики и техноло-

гии приобретают отчетливо антигосударственный характер⁴³.

Следует дифференцировать предпосылки государственности, перехода от родоплеменного строя к потестарному государству, затем уже к институализированному государственному организму — и инструментарий, набор технологий власти. Наконец, необходимо вычленять как некий специфический фактор движения истории, определяющий ее вектор, совокупность представлений о том, каким должно быть становящееся государство, та оболочка, в которой существует и уверенно себя чувствует княжеская власть. Эти представления, конечно, не утопия, не образ некоего идеального государства, а квинтэссенция некоего опыта, часто фрагментарного, вынесенного теми же норманнами из Европы, которая в основном уже миновала те стадии становления государственности, которые Руси еще только предстояло пройти. Ведь Рюрик (Рёрик) по некоторым данным, служил во Фрисландии у императора франков Людовика Благочестивого⁴⁴ и, уже став князем в Новгороде, на три-четыре года, в 870–873 гг., отъезжал в Европу⁴⁵. И это был не просто опыт, но опыт, постоянно преломлявшийся в новых условиях новой страны и в ситуации новых конфликтов и вызовов.

К.Д. Кавелин еще в середине XIX столетия достаточно детально (хотя и не исчерпывающе) сформулировал, что именно варяги привнесли в древнерусский социум и как они повлияли на сформированные им механизмы отправления власти. «Каковы бы ни были варяги, пришедшие к нам, их значение в русской истории весьма важно. Они принесли с собою первые зачатки гражданственности и политического, государственного единства всей русской земли. Мы совсем не хотим этим сказать, что без них и то и другое было бы невозможно; мы говорим о фактах, как они были. Со времен варягов появляются в России элементы, ей до того совершенно неизвестные. Она была раздроблена; варяги соединяют ее в одно политическое тело. Первая идея государства на нашей почве им принадлежит. Они приносят с собою дружину, учреждение не рус-

⁴³ См.: Королев С.А. Бесконечное пространство. Гео- и социографические образы власти в России. М.: Институт философии РАН, 1997. С. 63.

⁴⁴ Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб.: Академический проект, 2003. С. 118.

⁴⁵ Там же. С. 123.

ско-славянское, основанное на начале личности и до того чуждое нашим предкам, что в их языке нет для него даже названия: ибо мы по привычке называем его дружиной; но это слово не вполне соответствует значению германского учреждения, придавая ему какой-то частный, домашний, полусемейный оттенок, какой дружины действительно получили у нас впоследствии, но которого не могли иметь сначала. Варяги приносят с собой право князя наследовать после смерда-поселянина, и новую систему управления, неизвестную семейно-общинной доваряжской Руси. Эта система строга, убыточна, разорительна для подданных. Она совершенно равнодушна к управляемым, противопоставляет их интересы интересам правителя, его обогащение поставляет главной целью и резко выдвигает его лицо из среды подвластных. Наконец, варягам принадлежит начало вир, или денежных плат за преступления в России: название и числовое сходство с германскими вирами обличают в наших вирах неславянское происхождение»⁴⁶.

Особо отметим убеждение Кавелина в том, что первая *идея* государства на русской почве принадлежит варягам. Если вынести за скобки некую пафосность и сосредоточиться на смыслах сказанного, то русский исторический мыслитель, очевидно, прав.

Искоренение племенных князей

Сосуществование старых форм власти и наложенных на них, поверх них новых форм и институтов — очевидный признак псевдоморфозы. Своеобразное внутри-существование автохтонного. В частности, речь должна идти о параллельном (но не симметричном, не равноправном) существовании двух институциональных форм — традиционного института племенных князей и нового, принесенного норманнами института высшей, протогосударственной по своему характеру княжеской власти.

Это сосуществование продолжалось определенное, хотя, по меркам истории, не столь длительное время, порядка полувека, может быть, несколько дольше, и завершилось тем, что некоторые историки называют «искоренением племенных князей» (А.П.Толочко)⁴⁷. «Со времени древлянского

восстания 945 г., — пишет историк, — начинается упразднение Киевом тех политических образований, которые в исторической литературе получили название “племенных княжений”. Включение племенных княжений, этой, по удачному выражению Константина Багрянородного, “Внешней Руси” (ранее подчиненных только в военном и данническом отношениях) в Киевскую державу сопровождалось физическим устранением представителей местных княжеских династий, небрежно называемых в договорах киевских князей с Византией “всяким князем”. Это привело в конечном итоге к превращению Рюриковичей в единственный княжеский род, обладающий монопольным правом на государственную власть»⁴⁸.

Само по себе «замещение» племенных князей — это, скорее, не столько псевдоморфоза, не столько существование старых форм и автохтонного содержания внутри наложенной на них новой оболочки, сколько сосуществование и вытеснение старого, испытывающего давление извне автохтонного начала новым, аллохтонным. Но это вытеснение, как представляется, стало результатом типичного для псевдоморфозы конфликта старых форм и новых технологий властвования, наложенных на старые и подмявших их под себя. Конфликт только стимулировал их вытеснение и замещение. А знаменитое древлянское восстание стало одним из обнаружений и одной из кульминаций этого конфликта.

Очевидно, старая племенная традиция и прежние родоплеменные структуры власти еще какое-то время продолжали существовать внутри наложенной на них европоморфной матрицы, пытались приспособиться, опрокинуть новые формы и технологии властвования. Но были перемолоты и ассимилированы — во властном отношении — новыми протогосударственными, потестарными, а затем и государственными структурами. И одновременно носители, субъекты этих новых властных отношений сами подверглись ассимиляции в социокультурном отношении, постепенно растворяясь в славянском социуме, сливаясь с ним, заимствуя некоторые компоненты автохтонного, «аборигенного» сознания и утрачивая нечто из ментальности, принесенной на Русь извне.

Иными словами, ассимиляция варягов, их славянизация не была процессом, имеющим лишь этнокультурную составляющую. Равным обра-

⁴⁶ Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989. С. 29.

⁴⁷ Толочко А.П. Князь в Древней Руси — власть, собственность, идеология. Киев: Наукова Думка, 1992. С. 22–23.

⁴⁸ Там же. С. 22.

зом происходила социокультурная ассимиляция. К.Д. Кавелин, как уже упоминалось выше, подчеркивал, что варяги, приглашенные в князья для умиротворения внутренних раздоров, приводят с собой дружину, основанную на начале личности. Но, по мнению Кавелина, это начало очень скоро растворяется в кровно-патриархальных основах славяно-русского быта, и менее чем через столетие варяги сливаются с русскими славянами, перестают от них отличаться, славянизируются⁴⁹. Традиционалистский славянский социум нивелирует личность, растворяет ее в коллективном социальном теле, и это — один из результатов действия псевдоморфных механизмов, своеобразного растворения «оболочки» в заполняющем ее содержании, процесса, происходящего параллельно с подавлением автохтонного содержания оболочкой.

Это становится своего рода реваншем уходящего автохтонного над возобладавшем аллохтонным, неким ограниченным реваншем *автохтонного и культурного* — на фоне триумфа *аллохтонного и технологического* (властного).

В то же время новые формы колебались, наступали, отступали; в какой-то момент ревитализировались рудименты старых технологий и методов властвования, порождая всплески технологической архаики. Нельзя, например, не видеть, что повторный сбор дани в земле древлян киевским князем Игорем, спровоцировавший знаменитое восстание, — это своеобразный рудимент до-государственного и даже до-потестарного государства, проявление форм поведения власти времен грабительских норманнских набегов, всплывших вдруг на фоне становления новой, государственной, системы управления. И бунт древлян, возможно, представлял собой не только и не столько восстание против новых, протогосударственных форм власти, сколько реакцию на возврат полуграбительских, догосударственных практик произвольного, иррегулярного *взимания*.

Завершается процесс «искоренения» племенных князей, как и полагается в псевдоморфных конструкциях, определенного рода синтезом, в данном случае — слиянием знати дружинной и знати племенной. Косвенным подтверждением подобного слияния является предпринятая археоло-

гами реконструкция древнерусских погребальных обрядов, где обнаруживается сосуществование и отчасти синтез языческих скандинавских и языческих славянских традиций. Археологи, анализируя материалы погребений на территории Киевской Руси, отмечают сложный этнический состав русского войска, с преобладанием славян, но и значительной варяжской составляющей⁵⁰. И в частности, констатируют своеобразную конвертацию племенного, этнического в социальное в этой области: «Во второй половине X в. обряд трупосожжения в ладье превращается из этнического в социальный, становится привилегией высшего слоя населения и не зависит уже от племенного происхождения погребенного»⁵¹.

Очевидно, норманны принесли в русское пространство власти качественно новую, воинствующую и в то же время объединяющую (хотя на первых порах только при помощи военной силы и разного рода «дани») модель власти, развитие которой создало предпосылки для появления в Киевской Руси государственности. Еще точнее будет сказать, что они не просто принесли эту модель — они принесли (или выработали в процессе властного «освоения» Руси) некие свои, причем достаточно общие, *представления* об этой модели, о том, как следует осуществлять процесс властвования и управления, некие алгоритмы действия. И формировали конкретно-историческую форму этой модели, корректировали ее на ходу, в процессе отправления власти, администрирования, управления, отвечая на текущие вызовы и решая текущие задачи.

Князья и вече: аллохтонное и автохтонное

Теперь обратимся к второй составляющей псевдоморфного развития в период после «призвания варягов». Посмотрим, как функционировала псевдоморфная структура на примере взаимоотношений князя и веча. При этом заметим, что институт княжеской власти и князя — князя как главы «властной вертикали», возникающей параллельно со становлением государственности (изначально — потестарного государства) — мы будем рассматривать как реалии аллохтонного происхождения (это возможно, при условии строго различения славянских *племенных* князей и князей, стоящих во главе

⁴⁹ См.: Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989. С. 29.

⁵⁰ Седов В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982. С. 255.

⁵¹ Там же. С. 252.

протогосударственных образований, впоследствии великих князей). Вече же определенным образом связано с автохтонной традицией и с трансформацией практик так называемой военной демократии и появлением городов, «городовых областей», по Ключевскому.

С.Ф. Платонов полагал, что возникновение вечевых институтов связано с распадом родовых связей и переходом власти от родовладыки к домовладыке. Общий совет (вече) для историка — это сход домохозяев определенной округи, т.е. институт уже не родовой, а территориальной власти⁵². В это смысле вече — более современный институт, чем институт племенных князей.

В эпоху становления древнерусского государства вече — это феномен прежде всего городской культуры. Города в русских землях ставили князья или княжеские «мужи» по указанию князя. Во всяком случае, города в традиционном понимании — города как пространство, *огороженное* укреплениями, стенами (помимо этого еще существовали города без укреплений, именовавшиеся *местами*). Но городское вече — это не институт, создаваемый князем для управления городом, это скорее элемент и следствие самоорганизации населения. Имеющий, как уже было сказано, нечто общее с военными советами и вечем эпохи военной демократии, но не могущий быть непосредственно выведен из формата такого рода племенных советов. Все-таки это новая институциональная форма, притом форма городской политической культуры, имеющая, как уже было отмечено, генетику отнюдь не родоплеменную. И если великокняжеская (де-факто) форма правления и управления выросла в значительной степени из варяжского, скандинавского, европейского опыта, то вече, повторим, — это автохтонная практика.

Иными словами, и новый тип надплеменной княжеской власти, и вечевые практики — мы говорим здесь о *городских* вечевых практиках — возникли более или менее одновременно, в связи с появлением и насаждением городов, и развивались параллельно, в состоянии конкуренции и противостояния, представляя собой один из аспектов противостояния аллохтонной и автохтонной культур.

Среди историков нет единодушия по поводу роли вече в жизни Древней Руси (как, впрочем, и по любому другому вопросу). Например, И.Я. Фроя-

нов полагает, что вече даже в XI–XII вв. было органом свободного волеизъявления «вечников»⁵³. То, что Сказание о призвании варягов впервые было записано в «Остромировой летописи», или шахматовском новгородском своде в середине XI в., по мнению ученого, отразило изменение положения князя в обществе: «он превращался в орган общинной власти, пиком выражения которой являлось народное собрание — вече»⁵⁴.

В свою очередь А.П. Новосельцев упрекал Фроянова в «преувеличении роли вече, превращении его в некий стабильный, не изменявшийся институт». В трудах Фроянова, по мнению Новосельцева, с одной стороны, признается архаичность вече, а с другой — не только преувеличивается роль этого «народного собрания», но и высказывается не вполне соответствующее действительности мнение, что древнерусская знать не обладала необходимыми средствами для его подчинения⁵⁵. Подобная интерпретация института древнерусского вече, считал Новосельцев, во-первых, не подтверждается источниками, а во-вторых, опровергается сравнительно-историческим материалом. Ибо «для X в. известий о вече как органе, что-нибудь значащем в общегосударственном масштабе, мы практически не имеем. Князья (великие), согласно летописям, в необходимых случаях совещаются с боярами, дружиной»⁵⁶.

Впрочем, если мы будем исходить не из идеи существования на Руси некой кумулятивной, равновесной и даже непротиворечивой системы власти, включающей князя и вече, а постулируем изначальную и неизбежную конфликтность этих отношений как аллохтонного и автохтонного начал, то отсутствие общегосударственного значения вече получит в этом контексте несколько иной смысл. Не просто конкуренция и противоборство институтов

⁵³ Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1980. С. 150–184.

⁵⁴ Фроянов И.Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 10.

⁵⁵ Заметим, что еще Платонов писал, что вече в конце концов стало игрушкой бояр: охлократия, прикрывающая олигархию (Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Учебник русской истории. СПб: Стройлеспечатль, 1993. С. 153–154).

⁵⁶ Новосельцев А.П. Некоторые черты древнерусской государственности в сравнительно-историческом аспекте // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1985 год. М.: Наука, 1986. С. 40.

⁵² Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Учебник русской истории. СПб: Стройлеспечатль, 1993. С. 93.

и стоящих за ними социальных сил, но противостояние институтов разной генетики, институтов, занимающих разное место в системе координат «прошлое — будущее» и «аллохтонное и автохтонное».

Должны ли мы в этом контексте говорить о векторе движения к системе своеобразной средневековой демократии, где князь и вече — это своего рода аналоги исполнительной и законодательной власти? И где при этом доминирует принцип избрания князя? Или мы можем лишь точно идентифицировать ситуации, когда вече, в силу констелляции конкретных исторических обстоятельств, могло ощущать себя на равных с князьями, порой даже манипулировать ими, а глобальный вектор развития был направлен в сторону единовластия и, в не столь далекой перспективе, самодержавию?

Рассмотрение «длинной истории» как будто свидетельствует в пользу последней версии. Как представляется, динамику взаимоотношений князя, княжеской власти, и вече, двух базовых политических институтов Древней Руси, можно сравнить с взаимоотношениями христианства и язычества на протяжении X в., последнего века официального допускаемого двоеверия и века «крещения Руси». Исследователи фиксируют периоды усиления язычества (например, при Святославе), обновления гонений на христиан в Киеве, и все это на фоне очевидного (во всяком случае, очевидного постфактум) глобального тренда в сторону христианизации. Равным образом, периоды, когда практика призвания князей вечем становится доминирующей, означает некую фазу синусоиды, максимальный подъем и усиление автохтонной вечевой традиции на фоне общего тренда усиления великокняжеской власти.

Иными словами, псевдоморфная конструкция — это некая специфическая форма исторического развития, арена борьбы и сопротивления, допускающая движение исторического маятника в ту или иную сторону, а не только действие механизма сжатия и подавления. И она чревата как полной аннигиляцией стиснутого привнесенной извне оболочкой автохтонного содержания, так и потенциальной инверсией.

Конечно, здесь надо принимать во внимание воздействие внешних факторов на развитие русского социума, причем в самой brutальной и катастрофичной форме — в виде монгольского завоевания. И осознавать, что линия, соединяющая исходную точку развития и конечный результат, не всегда прямая, часто это синусоида, в иных случаях — про-

дукт маятникообразного движения. Тем не менее, мы считаем убедительным анализ В.Б. Кобрин и А.Л. Юрганова, которые, как нам кажется, доказали наличие мощного тренда к единовластию и самодержавию еще в домонгольской Руси⁵⁷. Тренда, который был многократно усилен в результате ордынского нашествия и последующего ига.

Мы не считаем необходимым трактовать здесь чисто исторические вопросы; для нас важно и значимо то, что в любом случае «князь — вече» — это динамичная, конкурентная, противоречивая система, один из элементов которой — автохтонен, другой — аллохтонен. И что, по-видимому, автохтонное принуждено было в течение определенного, и довольно значительного, времени, развиваться в привнесенной извне оболочке. И чем дальше, тем больше, ибо последовала христианизация, общая идеология и философия которой была адекватна единовластию, но трудно совместима с демократическими вечевыми началами.

Так или иначе, вечевые формы развиваются сначала параллельно с княжеской властью, потом, во всяком случае, кое-где, в некоторых случаях, — внутри системы княжеской власти. Затем конфликт аллохтонных и автохтонных форм разрешается. Вече уничтожено, задушено как конкретно-историческая институциональная форма. Но не как живая социокультурная традиция (которая, через Земские соборы, тянется вплоть до Советов).

Кстати, с пришествием варягов был запущен механизм умаления роли не только вече, но и местной выборной власти, олицетворяемой в Новгороде фигурой посадника. Очевидно, здесь произошла едва ли не полная инверсия, потому что, согласно В.Л. Янину, крупнейшему исследователю древнего Новгорода, изначально посадничество в Новгороде преобладало над княжеской властью. Сам факт включения имени легендарного Гостомысла в список новгородских посадников отражало, по убеждению Янина, стремление составителей списков доказать, что посадничество в Новгороде — старше княжеской власти, и именно оно является исконной формой новгородской государственности, возникшей в самый момент основания Новгорода⁵⁸. Историк подчеркивает, что договорный

⁵⁷ Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4.

⁵⁸ Янин В.Л. Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 66.

характер приглашения во второй половине IX в. на княжение Рюрика свидетельствует о том, что новгородская государственность возникла до призвания князя⁵⁹.

Постепенно княжеская власть подавляет вече и все прочие механизмы самоуправления как конкурирующую форму — и одновременно эволюционирует сама. Оболочка не только растворяет в себе о-формляемое ею содержание, но и в какой-то степени растворяется в этом содержании. Институт княжеской власти кануна монгольского нашествия — уже не тот, что был во времена расцвета Киева. В нем все более аккумулируются элементы единовластия, создающие предпосылки для последующего перехода к власти *самодержавной*.

Полное устранение вечевых институтов происходит в монгольскую эпоху и первые послемонгольские десятилетия⁶⁰. Система конкуренции князя и веча была окончательно погребена в ходе монголо-морфной псевдоморфозы. Доминирующей формой власти на Руси становится монгольского типа самодержавие («деспотическое самодержавие», по терминологии В.Б. Кобрин и А.Л. Юрганова).

Очевидно, примерно в XII вв. на Руси происходит нечто подобное тому, что произошло с властью в период петровской модернизации. Тогда, в первой четверти XVIII в., жесткие автохтонные технологии власти подавили привнесенные в Россию из Европы дисциплинарные технологии — или же эти дисциплинарные технологии оказались пропитаны жесткими, ориентированными на прямое и предельно жесткое воздействие на человеческое тело автохтонными практиками⁶¹. В силу чего Россия не стала дисциплинарным обществом, подобным Франции, не прошла в полной мере этой стадии развития (хотя многие элементы аналогичные европейским имелись).

Аналогичным образом, в начале русской истории привнесенное из Скандинавии личностное, дружинное начало, своеобразное преломление на русской почве идеи и практик вассалитета, было трансформировано в *подданство*, а затем вытеснено и подавлено практиками единовластия/само-

державия. Что весьма убедительно, на мой взгляд, показали, в частности, уже упомянутые выше В.Б. Кобрин и А.Л. Юрганов⁶².

3. Политика и геополитика

Помимо властно-технологических новшеств (и в значительной степени, видимо, благодаря им) варягам удалось осуществить на Руси ряд глобальных политических и, не побоимся этого слова, геополитических трансформаций.

Трансформация политического пространства

Когда мы говорим о роли варягов в возникновении государственности на Руси, реальностью является следующее.

- 1) Объединение, силой оружия или угрозой применения оружия, а также унифицирующими пространство власти технологиями взимания, прежде всего, сбором дани, земель, прилегающих к Новгороду. Речь идет как о сегментах, населенных славянами, так и об областях с неславянским населением.
- 2) Завоевание Киева («И сел Олег, княжа, в Киеве») и новый виток объединения земель, на новой основе, в новом географическом ареале, становление русского государства.

Между тем, сам Новгород — *новый город*, который искал новые формы правления и новых лидеров. Если оставить в стороне детали, по поводу которых спорят историки, начало Новгорода совпадает с началом династии Рюрика. В известном смысле Новгород сам был ферментом развития в восточнославянских землях — и не случайно этот социоисторический субъект искал некий властный фермент, что-то выходящее за рамки традиционных родоплеменных институтов власти, за морем. Этот фермент был найден — и уже на этой основе, после этого и вследствие этого происходит подчинение Киева и начинается новый этап консолидации русских земель.

- 3) Наконец, необходимо зафиксировать роль норманнов в отведении хазарской угрозы. Ряд историков, кстати, полагает, что именно хазарская угроза побудила новгородцев призвать варяжского князя с дружиной. А.П. Новосель-

⁵⁹ Там же. С. 67.

⁶⁰ Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое изд-во, 2005.

⁶¹ Подробнее см.: Королев С.А. Псевдоморфоза как тип развития: случай России // Философия и культура. 2009. № 6. С. 81.

⁶² Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 54–64.

цев, ссылаясь на известия русских летописей, полагает, что от хазар какое-то время зависели поляне, северяне, радимичи и вятичи⁶³. В.В. Пузанов также констатирует, что поляне, судя по сообщениям летописей, какое-то время платили дань хазарам. От этого их избавили пришедшие с севера бояре новгородского правителя Рюрика — Аскольд и Дир⁶⁴.

Очевидно, нельзя было исключить того, что при определенных обстоятельствах Хазарский каганат попытается распространить свое влияние севернее земель, занимаемых полянами, вплоть до Новгорода, — перспектива, которая была выведена за пределы реального после пришествия в северо-западную Русь и в киевские земли варягов. Причем этот исторический сюжет был отыгран норманнскими властителями Киева целиком: от освобождения полян, северян и других славянских племен от хазарской дани Аскольдом и/или Диром до разгрома Хазарии войсками Святослава.

Для того чтобы эти, действительно исторического масштаба, задачи были решены, необходимы были два условия:

(а) Появление и осознание нового класса задач, которые ставит перед собой власть нового типа, мы бы сказали, европоморфная власть. Последнее было возможно только при утверждении нового алгоритма целеполагания. Не взимание дани с завоеванных племен, не набеги, а регулярные подати (за которым, впрочем, долгое время сохранялось историческое наименование «дани» или «даней»⁶⁵) и, в конечном счете, властное освоение территории, «поглощение» пространства.

(б) Утверждение в российском пространстве власти новых технологий властвования. В том числе, связанных с появлением дружины, и не как интегральной части родоплеменных структур, а как

профессиональных, оплачиваемых (не обязательно деньгами, но данью в той или иной форме) вооруженных людей.

Иными словами, норманизация Руси знаменует собой начало некоего глобального властного тренда — и одновременно тренда государственного (о необходимости дифференцировать власть и государство мы уже упоминали). Речь идет о появлении неких форм и институций, которые были поставлены, надстроены над древнерусским обществом.

Вполне возможно и даже вероятно, что те же тренды рано или поздно реализовались и без норманнской прививки, выросли бы из логики внутреннего развития Древней Руси, как они выросли из логики внутреннего развития многих других европейских стран и регионов. Более того, «призвание варягов» не могло бы осуществиться, если бы древнерусский социум не был в какой-то степени подготовлен к нему и к последующим изменениям, если бы эти изменения не назрели. Но факт остается фактом — некий набор трендов был реализован посредством призвания варягов и последующего, в какой-то своей части псевдоморфного, процесса. Варяги стали инструментом истории. «Варяжский фермент» сыграл свою, и очень значительную, роль в определении облика Руси/России на многие столетия вперед.

Протопроцессы

Весьма примечательно, что уже в эпоху раннефеодального или, если хотите, потестарного государства с центром в Киеве мы обнаруживаем аналоги практически всех фундаментальных процессов, определяющих историю русского/российского государства, своего рода *протопроцессы*.

Покорение славянских племен, подчинение племенных княжений мало чем отличаются от покорения аборигенных народов, скажем, во время колонизации Сибири и Дальнего Востока или Туркестана. И война с древлянами, столь блистательно мифологизированная в русских летописях, имеет немало аналогов с завоеванием Сибирского ханства Ермаком или жестоким покорением чукчей или коряков⁶⁶. И если после завоевания русскими Казан-

⁶³ Новосельцев А.П. Образование Древнерусского государства и его первый правитель // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. С. 458. См. также: Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2007. С. 208.

⁶⁴ Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2007. С. 206.

⁶⁵ «На территории формирующегося и развивающегося русского государства в конце IX — X вв. понятие дань (дани) являлось обобщающим названием податей натуральных, денежных или денежно-натуральных» (Свердлов

М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб.: Академический проект, 2003. С. 192).

⁶⁶ Подробнее см.: Королев С.А. Фундаментальные истори-

ского ханства московский царь потребовал, чтобы ему платили ясак *точно так же*, как платили до того хану, то и Олег за несколько столетий до того, подчинив северян, бывших данниками Хазарского каганата, повелел им платить ему ту же самую дань.

Колонизация — это естественная идея и естественная политика для любого (прото)государства, ощущающего свободное или не свободное, но могущее быть присвоенным, поглощенным пространство вокруг себя. Это именно пространственная экспансия, сопровождающаяся технологической (властной) структуризацией или переструктуризацией пространства, которая и определяет сущность колонизации как процесса.

Далее, активное и целенаправленное строительство городов — это, несомненно, процесс (или протопроцесс) модернизационного типа. Но рост городов — это не только формирование военно-административных центров власти, ремесленных и торговых центров. Это, в исторической перспективе, также создание некой очаговой структуры, на которую может опереться и в рамках которой может развиваться христианизация.

Наконец, функция Киевской Руси как своего рода моста между Северной Европой, прежде всего Скандинавией, и Византией, как контролера и интегратора знаменитого «пути из варяг в греки» и обеспечение единства этого пространства по крайней мере как пространства торгового — это некий аналог экономической интеграции, если хотите, даже своего рода «глобализация», в тех формах и тех масштабах, которые были доступны эпохе. И появление варяжского князя Олега у врат Царьграда — некий символ этого процесса, проявление интеграции той части мира или тех миров, которые располагались от Балтики, по Волхову и Днепру и до Малой Азии.

Пространство интегрируют торговлей и силой. За этим процессом стоят серьезные экономические интересы: а куда иначе сбывать то, что взималось с подчиненного населения в виде дани и циркулировало по Руси в виде денег, все эти куньи и беличьи шкурки? Конечно, это не глобализация в современном смысле слова. Но, во всяком случае, тренд, ориентированный в том же направлении, в сторону универсализации географического и социального пространства.

Иными словами, во многих смыслах (или — во всех этих смыслах) Киевская Русь — прообраз будущей «Большой Руси», России.

В целом историческое бытие Древней Руси после пришествия варягов заметно активизировалось и интенсифицировалось. Все три упомянутых выше протопроцесса протекают если не бурно, то весьма энергично. И все они вскоре, в исторически ничтожные сроки, обращаются вспять. Государство, следуя своей внутренней логике, дробится на множество мелких квазигосударств («феодалная раздробленность»). Сформированное экспансией относительно сильной центральной власти (Киев) пространство распадается на множество мелких, автономных социальных и политических пространств. Волна монгольского завоевания уничтожает или приводит в запустение города, предопределяя чудовищную демодернизацию (еще раз прошу отметить, что понятие «модернизация» мы используем здесь не в точном научном, а в значительной степени в метафорическом смысле), начиная с Киева, и разрывает траекторию движения с севера, от «Варяжского моря», на юг, в Византию. Происходит дробление этого общего славяно-скандинаво-византийского пространства и его деградация.

* * *

Варяги, норманны, скандинавы, очевидно, не принесли с собой некой новой *оболочки*, в которую после их пришествия была бы заключена прежняя жизнь славянских и угро-финских племен и в которой она обречена была развиваться далее. Это становится предельно ясным, в частности, при сравнении последствий «пришествия варягов» и монгольского завоевания. Пришествие варяжских князей и дружин стало, скорее, *ферментом*, который стимулировал развитие будущей Руси в определенном направлении. Хотя некоторые моменты псевдоморфного развития прослеживаются уже на этом этапе. Ограниченная, но несомненная норманизация стала предпосылкой создания и оформления того типа власти, при которой только и могло быть востребовано христианство не как местный культ, а как *государственная* религия. Иными словами, без появления варягов и стимулирования определенного рода процессов во власти и формирования определенных (прото)государственных структур не могло быть осуществлено принятие Русью христианства уже в конце X в.

В этом отношении структура первой российской псевдоморфозы определенным образом

ческие процессы в России: ретро- и перспектива // Философия и культура. 2013. № 7. С. 920–922. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.7.8790).

напоминает структуру более поздней никониано-петровской псевдоморфозы. Только там исправление богослужебных книг и религиозная универсализация стали предпосылкой масштабной светских, государственных и общественных реформ. Духовное, религиозное шло впереди светского, государственного, гражданского, дисциплина шла впереди модернизации. В первой же псевдоморфозе IX–X вв., наоборот, изменения в характере власти, создание основ государственности предшествовали социокультурной (религиозной, духовной) революции.

Итак, «норманизация» Руси сама по себе едва ли может рассматриваться как псевдоморфоза. Но она, по-видимому, явилась первой фазой сложного и, в конечном счете, псевдоморфного процесса. Ибо христианизация Руси, несомненно, представляла собой псевдоморфозу. Более того, мы можем выявить модель подобного развития: подход к глобальной псевдоморфозе, создание необходимых предпосылок для нее — и затем наложение на русский/российский социум неких аллохтонных матриц развития. Так было в IX–X вв.: пришествие варягов, создание достаточно эффективной для того времени властной, технологической машины и начальных форм государственности. Так было в XVII–XVIII вв.: церковная реформа патриарха Никона, исправление богослужебных книг, универсализация русской православной церкви и затем — петровские масштабные реформы, попытки перестроить Россию по европейским образцам. Аналогичной была структура процесса и в совсем близкие к нам времена: горбачевская перестройка и затем, после 1991 г., возврат России к западным, европейским формам развития, внутри которых продолжало существовать, подтачивая их, порой разрушая, порой образуя причудливые симбиотические конструкции с теми или иными элементами европоморфной «оболочки», прежнее, советское содержание.

Отметим, кстати, что все геополитические достижения норманнов были утрачены при смещении центра русской нации на северо-восток. При этом на смену аннигилированной угрозе со стороны Хазарского каганата пришла еще более страшная и неотвратимая угроза со стороны империи Чингисидов.

Почему же пришествие варягов не повлекло за собой самостоятельную псевдоморфозу, а стало лишь предпосылкой псевдоморфозы будущей,

связанной с введением на Руси христианства? Почему с самого начала доминировал процесс синтеза, который аннигилировал привнесенную оболочку и не стеснил заметным образом развития автохтонного содержания, почему «варяжское» и «неваряжское» сразу же стали сливаться? В свое время А.П. Новосельцев, касаясь причин достаточно быстрого и интенсивного синтеза общественного строя скандинавов и местного восточнославянского населения, высказал ряд интересных соображений на этот счет. Если говорить о Западной Европе, отмечал историк, то там норманны появились тогда, когда сами они находились на стадии военной демократии, в то время как в завоеванных ими европейских странах и территориях существовали более развитые формы общественной и политической жизни. Что же касается славян и скандинавов, то они находились в VIII–IX вв. приблизительно на одном уровне социального развития. В этих условиях норманны, полагает Новосельцев, не могли принести славянам ни более высокой культуры, ни государственности, зато одностадийность развития способствовала более легкому общественному синтезу пришельцев и аборигенов (славян и финно-угров)⁶⁷.

Одностадийность, таким образом, оказывается препятствием для запуска механизмов псевдоморфного развития. Вероятно, псевдоморфоза легче и естественнее возникает там, где те, кто привносит новую оболочку, и те, чья культура обречена в этой оболочке развиваться, находятся на разных стадиях развития. Причем, эту оболочку могут принести и те, кто выше по уровню (Европа к моменту петровских реформ, очевидно, продвинулась дальше России), и те, кто ниже (как было во время монгольского завоевания — кочевническая цивилизация монголов никак не была выше того уровня, которого к 30–40-м годам XIII в. достигла Владимирская Русь).

Очевидно, сыграло роль и то, что норманны были весьма специфической Европой, если хотите, «другой Европой», маргинальной и в смысле матриц социально-политического развития, и в смысле духовно-религиозной его составляющей (в

⁶⁷ Новосельцев А.П. Образование Древнерусского государства и его первый правитель // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. С. 460.

IX в. они еще остаются язычниками). Ядро европейской цивилизации находилось отнюдь не в Скандинавии. Норманны оказались, в контексте русской истории, в сущности, лишь промежуточным звеном между славянским миром и европейским.

Но если в Западной Европе норманны, воинственные завоеватели и грабители, были определенной альтернативной сформировавшемуся там феодальному строю, то на Руси, в славянских землях, они парадоксальным образом оказались своего рода носителями, агентами европейскости. Хотя из европейских начал они принесли на Русь очень немного. Так или иначе, начавший-

ся с предельной враждебности к христианам и христианству (вспомним хотя бы обстоятельства захвата Киева Олегом в 882 г.⁶⁸) норманнский этап русской истории в конечном счете стал подготовкой масштабной христианизации, псевдоморфозы, определившей развитие Руси/России на многие столетия. Иными словами, норманны создали предпосылки не только для ликвидации себя в качестве особой этнической группы, но и одновременно для упразднения принесенной ими на Русь и исповедуемой ими религии — как, впрочем, и автохтонных дохристианских религиозных культов.

Список литературы:

1. Алпатов М.А. Варяжский вопрос в русской дореволюционной историографии // Вопросы истории. 1982. № 5.
2. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005.
3. Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989.
4. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1 // Ключевский В.О. Сочинения в 8-и тт. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1956–1959.
5. Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4.
6. Королев С.А. Бесконечное пространство. Гео-и социографические образы власти в России. М.: Институт философии РАН, 1997.
7. Королев С.А. Двусмысленность истории: фундаментальные процессы в российском пространстве власти // Философия и культура. 2012. № 9.
8. Королев С.А. Псевдоморфо́за как тип развития: случай России // Философия и культура. 2009. № 6.
9. Королев С.А. Фундаментальные исторические процессы в России: ретро-и перспектива // Философия и культура. 2013. № 7.
10. Новосельцев А.П. Некоторые черты древнерусской государственности в сравнительно-историческом аспекте // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1985 год. М.: Наука, 1986.
11. Новосельцев А.П. Образование Древнерусского государства и его первый правитель // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. Памяти чл.-корр. РАН А. П. Новосельцева. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000.
12. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века / Сост. и общая ред. Д.С. Лихачева и Л.А. Дмитриева. М.: Художественная литература, 1978.
13. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Учебник русской истории. СПб.: Стройлеспечатль, 1993.
14. Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкции. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2007.
15. Рапов О.М. Русская церковь в IX — первой трети XII в.: принятие христианства. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Русская панорама, 1998.
16. Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.: Изд. АН СССР, 1963.

⁶⁸ Рапов О.М. Русская церковь в IX — первой трети XII в.: принятие христианства. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Русская панорама, 1998. С. 113–121.

17. Сverdlov M.B. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб.: Академический проект, 2003.
18. Седов В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982.
19. Славяне и скандинавы. Пер. с нем. / Общ. ред. Е.А. Мельниковой. М.: Прогресс, 1986.
20. Соловьев С.М. Сочинения в 18 кн. Кн. VII. История России с древнейших времен. Тома 13–14. М.: Мысль, 1991.
21. Толочко А.П. Князь в Древней Руси — власть, собственность, идеология. Киев: Наукова Думка, 1992.
22. Успенский Ф.Б. Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М.: Языки славянской культуры, 2002.
23. Фроянов И.Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Вопросы истории. 1991. № 6.
24. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1980.
25. Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М.: Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1858.
26. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т.2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1998.
27. Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М.: Изд-во юридической литературы, 1949.
28. Янин В.Л. Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2003.

References (transliteration):

1. Alpatov M.A. Varyazhskii vopros v russkoi dorevol'yutsionnoi istoriografii // Voprosy istorii. 1982. № 5.
2. Akhiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. Istoriya Rossii: konets ili novoe nachalo? M.: Novoe izdatel'stvo, 2005.
3. Kavelin K.D. Nash umstvennyi stroi. Stat'i po filosofii russkoi istorii i kul'tury. M.: Pravda, 1989.
4. Klyuchevskii V.O. Kurs russkoi istorii. Ch. 1 // Klyuchevskii V.O. Sochineniya v 8-i tt. T. 1. M.: Gospolitizdat, 1956–1959.
5. Kobrin V.B., Yurganov A.L. Stanovlenie despoticheskogo samodержaviya v srednevekovoi Rusi (k postanovke problemy) // Istoriya SSSR. 1991. № 4.
6. Korolev S.A. Beskonechnoe prostranstvo. Geo-i sotsiograficheskie obrazy vlasti v Rossii. M.: Institut filosofii RAN, 1997.
7. Korolev S.A. Dvumyslennost' istorii: fundamental'nye protsessy v rossiiskom prostranstve vlasti // Filosofiya i kul'tura. 2012. № 9.
8. Korolev S.A. Pseudomorfoza kak tip razvitiya: sluchai Rossii // Filosofiya i kul'tura. 2009. № 6.
9. Korolev S.A. Fundamental'nye istoricheskie protsessy v Rossii: retro-i perspektiva // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 7.
10. Novosel'tsev A.P. Nekotorye cherty drevnerusskoi gosudarstvennosti v sravnitel'no-istoricheskom aspekte // Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya, 1985 god. M.: Nauka, 1986.
11. Novosel'tsev A.P. Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva i ego pervyi pravitel' // Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 1998. Pamyati chl.-korr. RAN A. P. Novosel'tseva. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2000.
12. Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. Nachalo russkoi literatury. XI — nachalo XII veka / Sost. i obshchaya red. D.S. Likhacheva i L.A. Dmitrieva. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1978.
13. Platonov S.F. Lektsii po russkoi istorii. Uchebnik russkoi istorii. SPb: Stroilespechat', 1993.
14. Puzanov V.V. Drevnerusskaya gosudarstvennost': genesis, etnokul'turnaya sreda, ideologicheskie konstrukty. Izhevsk: Izdatel'skii dom «Udmurtskii universitet», 2007.
15. Rapov O.M. Russkaya tserkov' v IX — pervoi treti XII v.: prinyatie khristianstva. Izd. 2–e, ispr. i dop. M.: Russkaya panorama, 1998.
16. Rybakov B.A. Drevnyaya Rus'. Skazaniya. Byliny. Letopisi. M.: Izd. AN SSSR, 1963.
17. Sverdlov M.B. Domongol'skaya Rus'. Knyaz' i knyazheskaya vlast' na Rusi VI — pervoi treti XIII vv. S.-Peterburg: Izd-vo Akademicheskii proekt. 2003.
18. Sedov V. Vostochnye slavyane v VI–XIII vv. M.: Nauka, 1982.

19. Slavyane i skandinavyy. Per. s nem. / Obshch. red. E.A. Mel'nikovoi. M.: Progress, 1986.
20. Solov'ev S.M. Sochineniya v 18 kn. Kn. VII. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. Toma 13–14. M.: Mysl', 1991.
21. Tolochko A.P. Knyaz' v Drevnei Rusi — vlast', sobstvennost', ideologiya. Kiev: Naukova Dumka, 1992.
22. Uspenskii F.B. Skandinavyy. Varyagi. Rus'. Istoriko-filologicheskie ocherki. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002.
23. Froyanov I.Ya. Istoricheskie realii v letopisnom skazanii o prizvanii varyagov // Voprosy istorii. 1991. № 6.
24. Froyanov I.Ya. Kievskaya Rus': Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1980.
25. Chicherin B.N. Opyty po istorii russkogo prava. M.: Izdanie K. Soldatenkova i N. Shchepkina, 1858.
26. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. T.2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy / Per. s nem. i primech. I.I. Makhan'kova. M.: Mysl', 1998.
27. Yushkov S.V. Obshchestvenno-politicheskii stroi i pravo Kievskogo gosudarstva. M.: Izd-vo yuridicheskoi literatury, 1949.
28. Yanin V.L. Novgorodskie posadniki. 2–e izd., pererab. i dop. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003.